

Итальянские дипломатические документы 1945 года о советской внешней политике

Михайленко В. И.

Второй том десятой серии (1943–1948 гг.) итальянских дипломатических документов вышел из печати в 1992 г.¹ В нем отражался период между назначением 12 декабря 1944 г. третьего правительства И. Бономи и завершением деятельности 9 декабря 1945 г. правительства Ф. Парри. Министром иностранных дел Италии на протяжении всего этого периода был А. Де Гаспери, лидер Христанско-демократической партии. Особенностью политической ситуации в Италии в рассматриваемый период было то, что страна до начала мая была разделена на две части: северная, Итальянская Социальная Республика, была оккупирована Германией и управлялась Муссолини; южная, освобожденная и признанная союзниками, находилась под «мягким», но ощутимым контролем со стороны Союзной Контрольной Комиссии (СКК). Советский представитель в СКК обладал лишь совещательным голосом². Королевство Италии вело активную внешнеполитическую деятельность по нормализации отношений с другими странами, однако только в 1947 г., после подписания мирного договора, Италия становится юридическим международным субъектом без каких-либо ограничений.

Знак «глубокого разочарования» в возможности создания «справедливого» с точки зрения Италии послевоенного мира проходит через всю дипломатическую переписку 1945 г. Вице-председателем комиссии по публикации итальянских дипломатических документов Э. Ди Нольфо в интервью газете «Коррьере дела сера», утверждал: «Собранные в этих томах документы являются историей одного разочарования»³. «Единственным итальянским дипломатом, который избежал разочарования, был Пьетро Кварони, возможно, в силу особенностей характера, или в силу своей образованности или в связи с особенностями своего служебного положения в качестве посла Италии в Москве стойко переносил сложившиеся трудности»⁴, — пишет Э. Ди Нольфо.

В 1928–1929 гг. Пьетро Кварони исполнял обязанности секретаря посольства Италии в Москве, а также был поверенным в делах. Его женой была дочь русского генерала. Он хорошо говорил по-русски. В годы войны представлял интересы Италии в Афганистане⁵.

Установление дипломатических отношений между СССР и Италией после освобождения было осложнено давлением англо-американских союзников на правительство Бадольо, которому запрещалось без согласия Союзного верховного главнокомандующего в Италии вступать в какие-либо соглашения с любой иностранной державой. Поэтому в марте 1944 г. дипломатическое признание между двумя государствами произошло в форме назначения представителей при соответствующих правительствах. С итальянской стороны на этот пост был назначен П. Кварони⁶, с советской стороны — советник представителя СССР в СКК М. А. Костылев. 25 октября 1944 г. между СССР и Италией были установлены дипломатические отношения. Послом СССР в Италии назначался М. А. Костылев, послом Италии в Москве — П. Кварони. Решение о назначении П. Кварони послом в Москве не было поддержано представителями левых сил в итальянском правительстве. На заседании правительства 26 октября П. Тольятти поднял вопрос о необходимости смены посла в СССР с тем, чтобы на его место назначить коммуниста или социалиста⁷.

Внешняя политика Италии была тем сектором правительственной политики, который представлял важное значение компартии Италии, которая прилагала большие усилия для внедрения своих представителей в дипломатический корпус. Как отмечают Е. Ага-Росси и В. Заславский, информация о заседаниях итальянского правительства и его структур порой появлялась на столе советского посла в тот же день. Это относилось и к значительной части писем, которые посылал итальянский посол из Москвы⁸.

К концу 1944 г. сложились хорошие перспективы развития советско-итальянских отношений. Западные союзники вывозили итальянские товары, не оплачивая их⁹. Кроме экономической и торговой заинтересованности, итальянское правительство стремилось уравновесить чрезмерное политическое давление на страну со стороны англо-американских союзников развитием отношений с Москвой.

Однако советское руководство не использовало потенциальные возможности углубления отношений с Италией. Вполне возможно, что свою роль в этом сыграли несколько обстоятельств:

- Италия не входила в советскую зону влияния;
- у Советского государства реально не было ресурсов для расширения своего присутствия за пределами Восточной Европы;
- в итальянско-югославском территориальном конфликте советские интересы были на стороне режима Тито.

В 1945 г. на первый план в дипломатической деятельности правительства Королевства Италии вышли проблемы мирного договора. Накануне Крымской конференции глава итальянского правительства И. Бономи обратился с письмом к руководителям Большой тройки с письмом, в котором содержался призыв при планировании мирного устройства Европы принять во внимание вклад, внесенный демократической Италией в борьбу против гитлеровской Германии¹⁰.

По итогам Крымской встречи посол Кварони пишет в Рим, что у него создается впечатление о разделе Европы на советскую и англо-американскую части. В то время, как СССР стремится взять под контроль внутривосточную ситуацию в Польше и Югославии, англо-американские союзники пытаются сделать то же самое в Западной Европе. «Для нас практический результат всего этого, — писал посол, — заключается в следующем:

1. Возможность большой заинтересованности и веса России в итальянском вопросе;
2. В долгосрочной перспективе надо отказаться от иллюзий, что итальянская политика может играть на разногласиях между главными союзниками».

В ходе конференции, продолжал посол, главы союзных держав дали понять самое решительное намерение продолжать сотрудничество. Также очевидным явилось стремление советской стороны снять подозрения у англо-американских союзников относительно того, что она стремится навязать коммунистические режимы в соседних странах¹¹.

В конце февраля в МИД Италии поступило согласованное англо-американо-советское заявление, в котором итальянской стороне указывалось на недопустимость сохранения итальянских миссий в тех странах, с которыми союзные государства не имели прямых дипломатических отношений. Так союзники отреагировали на попытки итальянской стороны сохранить свою миссию и своего представителя Р. Бова

Скоппа в Румынии, установившей дипломатические отношения с Итальянской Социальной Республикой. В конце марта Бова Скоппа покинул Бухарест¹².

24 февраля 1945 г. Глава союзнической комиссии в Италии Макмиллан направил заявление премьер-министру Италии Бономи об ослаблении союзнического контроля в Италии и передаче ряда полномочий СКК итальянскому правительству. В документе был изложен регламент разделения полномочий между ними¹³.

Вопрос об итальянских военнопленных был поставлен в повестку дня в конце 1944 г. и занимал одно из наиболее важных мест в дипломатической переписке между послом в Москве и МИД Италии. Кварони жаловался в Рим, что не может добиться от советской стороны взаимности в этом вопросе, «несмотря на все предпринятые им усилия». Он даже призвал итальянскую сторону проявить сдержанность в предоставлении Москве списков советских военнопленных до тех пор, пока не будет достигнута взаимность в этом вопросе. «Я должен добавить, — писал итальянский дипломат, — что каждый раз, когда я ставлю вопрос о военнопленных перед советскими руководителями, я сразу сталкиваюсь с нескрываемой, ничем неприкрытой неприязнью с их стороны». «С другой стороны, могу положительно отметить, что итальянские военнопленные содержатся хорошо», — добавлял он в заключение¹⁴.

Советское руководство выразило готовность оказать содействие в репатриации находившихся на территории СССР итальянских военнопленных, отметив, что в этом деле имеются чисто технические проблемы, связанные с отсутствием транспорта. Относительно итальянских военнослужащих, интернированных в момент выхода Италии из войны на территории Польши, Болгарии, Румынии и Югославии, советская сторона предложила использовать механизм переговоров правительства Италии с правительствами этих стран¹⁵.

23 апреля министр иностранных дел А. Де Гаспери направил депешу в дипломатические представительства в Москве, Вашингтоне, Лондоне и Париже с указанием усилить действия по улучшению положения итальянских военнопленных и интернированных лиц¹⁶.

Осложняющим обстоятельством для урегулирования проблемы военнопленных являлся отказ СССР от ратификации Конвенции 1929 г. о военнопленных. Это привело к установлению со стороны фашистских властей точно такого же отношения к советским военнопленным, какое демонстрировал их германский союзник. Несмотря на то, что по итальянским данным на территории Италии на момент перемирия было зафиксировано всего 29 советских военнопленных, отсутствие законодательной базы осложняло переговоры. Формально итальянская сторона не имела возможности даже затребовать списки военнопленных. Абсурдной назвал посол практику применения к правительству новой Италии ответственности за действия фашистского правительства.

Посол пояснял, что эта необъяснимая жесткость в отношении итальянских военнопленных может повлиять на формирование неблагоприятного для СССР итальянского общественного мнения¹⁷.

В августе 1945 г. советское руководство сделало жест доброй воли, объявив о репатриации всех итальянских военнопленных. Однако из-за расхождений в статистике (итальянцы настаивали на более высокой цифре военнопленных) эта инициатива только спровоцировала взаимное недовольство. Вопрос о репатриации итальянцев из России не был признан решенным и затянулся на годы¹⁸.

Так складывался на десятилетия вперед негативный фон советско-итальянских отношений. В марте 1945 г. на первый план итальянской внешней политики вышли вопросы подписания мирного договора с союзными державами, участия Италии в конференции в Сан-Франциско и урегулирования территориального вопроса в Венеции Джулии после ее оккупации англо-американскими войсками. Что касается последнего, то в беседе с представителями госдепартамента США итальянский посол А. Таркиани пытался убедить американцев поддержать его страну в этом вопросе. В качестве аргумента он заявил следующее: «Вплоть до 1940 г. ваша оборонительная граница проходила по Манике и Мажино; сегодня она проходит по Триесту и Адриатике»¹⁹.

Югославская сторона провоцировала Москву на занятие жесткой позиции в поддержке ее интересов в вопросе о Венеции Джулии и Триесте. В частности, в Югославии был раздут инцидент со взрывом бомбы, который случился в Риме в сорока метрах от расположения югославской миссии. Министр иностранных дел Де Гаспери по дипломатическим каналам попытался минимизировать политические последствия инцидента для своей страны²⁰.

В середине марта Итальянское правительство предприняло новую попытку заключить с США, Великобританией и СССР соглашение, которое до подписания мирного договора установило бы особый статус Италии как совоюющего государства²¹.

17 марта заместитель главы правительства П. Тольятти направил главе правительства Бономи и министру иностранных дел развернутую записку, в которой обрушился на итальянского посла в Вашингтоне А. Таркиани, который позволил себе публично высказываться по деликатным вопросам внешней политики своей страны. Тольятти призывал не сохранять больших иллюзий относительно возможности получения Италией статуса союзного государства и проявлять осторожность при обсуждении вопросов послевоенного статуса Италии²².

Советско-французское сближение, имевшее целью ослабить британское влияние в Европе, вызывало озабоченность в итальянском МИДе. Там опасались, что это может привести к эскалации французских притязаний к Италии и их поддержке советской стороной²³. Однако Кварони, комментируя визит гене-

рала де Голля в Москву в апреле 1945 г., сосредоточился на общих интересах двух стран в ослаблении послевоенной Германии и позиций Великобритании на Ближнем Востоке. Он не видел никакой опасности для интересов Италии в двустороннем советско-французском сотрудничестве²⁴.

Италия настойчиво добивалась участия в конференции в Сан-Франциско, которая открывалась 25 апреля. Правительство Италии единодушно приняло декларацию, направленную председателю конференции с просьбой огласить ее перед всеми участниками. В декларации говорилось о глубоком разочаровании итальянского народа в связи с исключением демократической Италии из процесса обсуждения основ мирного сосуществования государств. Далее говорилось о вкладе Италии в борьбу против нацистской Германии²⁵. Посол Таркиани пессимистично писал по этому поводу, что, вероятнее всего, советская сторона и находящиеся в ее орбите государства, прежде всего, Югославия не поддержат это предложение²⁶.

22 апреля посол Кварони направил в Рим многостраничную депешу, в которой попытался проанализировать взаимоотношения внутри «Большой тройки» и в связи с этим оценивал перспективы Италии. По мнению Кварони, лидерам трех государств до сих пор удавалось урегулировать возникавшие между ними противоречия, однако он считал «конфликт между капиталистическими государствами и социалистическим государством неизбежным». В Москве, по его мнению, были убеждены, исходя из марксистской логики, что ближайшей целью англо-саксонских держав является восстановление Германии, чтобы подготовить ее к будущей войне против СССР. Эта теория социалистической безопасности служила прикрытием собственных империалистических намерений. В свою очередь, на Западе существовали страхи в отношении возрождения Третьего интернационала и российского империализма. Единственным возможным условием урегулирования, которое открыто не высказывалось, являлось размежевание по линии сфер влияния. С российской стороны была сформулирована теория, согласно которой в интересах послевоенной безопасности должно быть осуществлено такое упорядочение границ, которое позволит СССР создать систему дружественных государств по периметру своих границ. Но, подчеркивал посол, сейчас становится очевидным, что в этих государствах Москва стремится насадить коммунистические правительства.

Кварони обратил внимание на различия в трактовке понятия «демократическое правительство», характерных для Москвы и Вашингтона. Отстаивая эту идею на Крымской конференции, Рузвельт имел в виду демократические правительства «широкой коалиции, включающей все партии, от правых до крайне левых», исключая только фашистские организации. В советском подходе демократия связывалась с коалицией наподобие «народного фронта».

Предпосылкой для приведения к власти таких правительств должно было стать осуществление аграрной реформы и взятие под государственный контроль ключевых отраслей промышленности. Реализация такого подхода в Румынии и Польше стала причиной обмена взаимными претензиями между СССР и англо-американскими союзниками, родив концепцию нарушений Крымских соглашений. Посол также отмечал противоречия между союзниками в вопросах деиндустриализации Германии.

Подводя итог своим рассуждениям, посол отметил, что вероятнее всего советская политика будет сконцентрирована на собственной зоне влияния. Что касается районов, выходящих за эти пределы, то советская политика, по его мнению, в 1945 году еще не определилась. В любом случае, писал он, «политика разграничения на зоны влияния является реальностью» и, определяя итальянские интересы, необходимо принимать ее в расчет. Ее последствия могут оказаться катастрофическими для тех, кто не будет учитывать реальность. Мы и многие европейские государства могут по этому поводу вызывать сострадание, но мы не способны что-либо изменить. Альтернатива сегодняшнему положению дел может быть сведена либо к возникновению более-менее немедленного конфликта, либо к компромиссу в форме зон влияния. Поскольку никто не хочет немедленного конфликта и поскольку, возможно, никто не может позволить себе это, не остается иной альтернативы»²⁷.

На следующий день Кварони направил в Рим новую аналитическую записку, которую начал с анализа англо-советских противоречий в Юго-Восточной Европе. Внимание посла привлекла идея создания Балканской федерации славянских государств, которая вызвала в Лондоне особенно большую озабоченность. Посол призывал «поиграть» на англо-советских противоречиях с тем, чтобы добиться британской поддержки в территориальных спорах между Италией и Югославией. Вместе с тем он обратил внимание на то, что в борьбе за Югославию Лондон может поддержать Белград в его претензиях на район Исонцо. Несмотря на недавно подписанное соглашение в Москве между Сталиным и Тито, которое, по мнению посла, «пересадило Югославию в русскую повозку», в Лондоне все еще надеются на прозападный выбор Югославии.

По вопросу об итальянских границах советское руководство не проявляло какой-либо собственной официальной позиции. «Со времени моего появления в Москве советская сторона никогда не затрагивала эту тему, как будто этого вопроса не существует вообще» — констатировал Кварони. Более того, на практике ничего не делается, чтобы улучшить советско-итальянские отношения, утверждал посол. «По моему мнению, — продолжал он, — было бы опасной ошибкой с нашей стороны рассматривать эту сдержанность советского руководства как признак благоприятной расположенности к нашим аргументам. Это

всего лишь характерная линия поведения данного руководства, у которого на его плечах лежат вопросы, интересующие его в первую очередь, и имеющего возможность не выставлять на ковер проблемы, которые могут подождать».

Вместе с тем он был убежден в том, что советская сторона поддержит югославские притязания. «Политика славянского братства является сегодня существенным фактором советской политики». Речь идет о новой переоценке прошлого, которое находит свое место в обосновании экспансии. На уровне чувств рассматривается вся война как итог победы славянских народов под руководством великого русского народа над германским миром. Поскольку мы вместе с немцами проводили антиславянскую политику, то должны быть наказаны. Те, кто выступают в защиту итальянского Триеста, рассматриваются как старые или новые фашисты». Посол высказал мнение, что решение спорных территориальных проблем на востоке следует решать через установление дружественных отношений с Югославией. Во избежание худшего посол предлагал не ставить спорные итало-югославские вопросы перед Москвой²⁸.

В тот же день посол Кварони направил еще одно длинное письмо в Рим. В нем он продолжил тему отношений Италии с СССР. По его мнению, советское руководство было бы не прочь использовать итальянскую карту в игре против Великобритании. Однако, отметил посол, во время встречи с наркомом В. М. Молотовым, тот огорошил посла первой фразой: «Мы полностью погружены в военную кампанию и нам некогда заниматься итальянскими делами». В качестве доказательства незаинтересованности советской стороны участвовать в итальянских делах посол ссылается на то, что без ответа остались предложения сформировать из итальянских военнопленных воинские соединения для участия в боевых действиях против немцев.

По мнению Кварони, основные причины советской позиции можно свести к следующим:

- итальянские военные усилия не оправдали советских ожиданий; итальянскому правительству следует активнее привлекать общественное мнение, чтобы оказывать давление на англо-американских союзников;
- слабость правительства Бономи и политических партий, которые грызутся между собой вместо того, чтобы сконцентрироваться на решении практических целей войны и реконструкции; в будущей европейской политике Италия будет занимать маргинальные позиции;
- недовольство советских руководителей тем, как проходит процесс дефашизации в Италии

Кварони пишет раздраженно, что в СССР, отгороженном почти на три десятилетия от остального мира, никак не могут понять особенности итальянской внутренней политики, характер итальянских дискуссий по вопросам политического устройства.

Дискуссии рассматриваются как проявления слабости и бесхребетности итальянской политики. Что касается критики из Москвы относительно политики чисток и дефашизации, то в качестве примера предлагается опыт Болгарии и Югославии, где «народные трибуналы» приговаривают к расстрелам.

Наконец, Кварони, подытоживая, высказал мнение относительно «полной незаинтересованности» советского руководства в Италии: истинная причина этой незаинтересованности заключалась в том, что советское руководство признает Италию сферой англо-американского влияния. На условиях взаимности советское руководство стремится исключить какое-либо влияние англичан и американцев в дела восточноевропейских стран, находящихся в зоне советского влияния²⁹.

У Кварони явно не сложились отношения с наркомом иностранных дел В. Молотовым, впрочем, как и с его заместителем А. Вышинским. Посол отмечает высокомерие советских дипломатов и нежелание открыто обсуждать вопросы двусторонних отношений и мировой политики. В. М. Молотов — «это стена», пишет Кварони в следующем донесении. «Он настроен на дискуссию только с представителями великих держав». По поводу оценки советской позиции в вопросе о Триесте Кварони проявляет глубокий пессимизм. «Здесь нечего делать», — констатирует он. Посол полагает, что в этом вопросе поддержка может прийти только из Лондона и Вашингтона. Также он считает бесполезным обсуждать с Москвой послевоенный статус Италии. Решение этого вопроса может быть связано с успехом британской политики нейтрализации Югославии и прямого урегулирования итало-югославских противоречий³⁰. Тем не менее, министр иностранных дел Де Гаспери настаивал, чтобы через посла в Москве до Советского правительства был доведен протест итальянской стороны против ввода югославских войск в Триест³¹.

На демарши Де Гаспери итальянский посол в Москве отвечал скептически, что советское руководство одержимо идеями панславизма и не будет противодействовать югославским притязаниям³². Один из наиболее глубоких исследователей послевоенной внешней политики Италии, П. Пасторелли, отмечает: «Часто проявляется глубокое впечатление, что мирная конференция не рассматривала вопрос об австро-итальянской границе с достаточным вниманием. В любом случае, речь идет о менее важном вопросе дискуссий между главами четырех держав, чем вопрос о Триесте и колониях»³³.

30 апреля посол Кварони написал длинную депешу, в которой комментировал разгромную статью Александра, опубликованную в газете «Правда» 14 апреля под названием «Товарищ Эренбург упрощает». В ней шла речь о критике резких антигерманских статей Ильи Эренбурга. Посол заметил, что публикация не могла не быть инициирована с самого верха советской власти и, скорее всего, означает изменение

позиции Сталина в отношении будущего Германии. По мнению посла, поворот во внешней политике в отношении Германии обусловлен тем, чтобы сохранить Германию либо ее оккупированную часть под советским влиянием³⁴.

1 мая югославские войска вошли в Триест, в связи с чем была предпринята попытка установить в городе югославскую администрацию. Жесткая ответная англо-американская реакция вызвала политический кризис, который завершился отводом югославских войск из Триеста. 3 мая итальянское правительство выступило с заявлением по случаю освобождения Северной Италии от германских войск. Наряду с объявлением о статусе Италии как «совоющей страны», в нем особенно подчеркивалось, что Триест «без дискуссий» является итальянской территорией. Заявление также содержало призыв, чтобы деятельность военной администрации союзников в области Венеция Джулия осуществлялась на тех же принципах, что и в других районах Италии³⁵. Итальянская сторона стремилась подчеркнуть единодушие всех членов правительства, включая представителей левых партий, в этом вопросе³⁶.

8 мая глава правительства Италии Бономи направила Сталину поздравительную телеграмму по случаю победы над фашизмом и нацизмом³⁷. В тот же день состоялась встреча между заместителем наркома иностранных дел В. Деканозовым и послом П. Кварони. Деканозов обратил внимание на то, что неприглашение итальянской делегации на конференцию в Сан-Франциско было вызвано слишком буквальным прочтением американской стороной приглашений, подписанных в свое время президентом Ф. Рузвельтом. Он противопоставил этому советско-финляндские переговоры, которые вышли за рамки вопросов прекращения огня и включили обсуждение мирного договора. Он призвал не придавать большого значения неприглашению итальянской стороны и заявил, что конференция в Сан-Франциско является только начальной фазой мирных переговоров. В любом случае, в вопросе об участии Италии Советское правительство будет согласовывать свои действия с союзниками. Он призвал не придавать столь большого значения внешнеполитической сфере и сконцентрироваться на послевоенном политическом и экономическом восстановлении страны.

В донесении в Рим Кварони отметил, что отрицательное отношение советского руководства к итальянскому участию в конференции опирается на два аргумента. Первый из них связан с тем, что советская сторона считает, что все бывшие союзники Германии должны пройти через одинаковую процедуру единогласной оценки со стороны государств «Большой тройки» на их соответствие к вхождению в содружество Объединенных Наций. Для Москвы единственным исключением является «братская славянская» Болгария. И другая, более важная причина, заключается в том, что советское руководство

выступает в принципе против проведения конференций с большим числом участников. Оно считают, что вся ответственность за послевоенное урегулирование должна лежать на «Большой тройке»³⁸.

9 мая посол в США Таркиани сообщил в Рим: правительства США и Великобритании дали распоряжение маршалу Александру занять союзными войсками территории Триеста и Венеции Джулии в рамках границ 1939 г. При этом он отметил, что югославский лидер Тито будет вынужден с этим согласиться, если не получит дополнительной поддержки из Москвы³⁹.

13 мая итальянский посол в Москве Кварони информировал о своих встречах с высокими советскими руководителями Вышинским и Деканозовым. Его заключение было пессимистичным: «Лично у меня большие сомнения относительно того, что советское руководство попытается что-либо сделать... Россия на сто процентов поддерживает югославские притязания на наши восточные границы». По его мнению, советское руководство стремится исключить Италию из числа государств, влияющих на положение дел на Балканах и в Центральной Европе. В этом смысле современная Россия реализует мечты своей предшественницы — Российской империи, распространяя политическое и военное влияние на весь Балканский полуостров и на всю бывшую Австро-Венгерскую империю. Посол считал, что Югославия является инструментом советской внешней политики. Это не означает, что советское руководство не хотело бы достижения соглашения между Италией и Югославией, однако, на советских условиях. В вопросе о восточных границах Италии советское руководство может уступить только в случае однозначной жесткой позиции двух западных союзников⁴⁰.

Итальянский посол в Москве предлагал воспользоваться тем, что для послевоенного Советского Союза главной проблемой являлось урегулирование германского вопроса. Кварони пишет, что намерения западных союзников в отношении возрождения сильной Германии являются очевидными, поскольку без нее сложно создать атлантическую систему государств, противостоящих российской экспансии⁴¹.

В двадцатых числах мая посол Кварони сделал предположение, что Москва не поддерживает «до конца» югославские притязания и советует Белграду не доводить дело до открытого конфликта, а попытаться решить проблему границ с помощью двустороннего соглашения⁴².

5 июня итальянский посол в США Таркиани сообщил в Рим, что, по мнению компетентных американских руководителей, югославский лидер Тито потерял надежду на советскую поддержку в вопросе о Триесте⁴³.

Эти выводы итальянских дипломатов не согласуются с фактами, недавно приведенными в книге Е. Ага-Росси и В. Заславского. Они утверждают, что в конце мая Сталин и его ближайшее окружение выступали за полную передачу Триеста Югославии⁴⁴.

Посол Кварони был среди тех дипломатов, которые призывали итальянское правительство использовать «секретное оружие» для защиты итальянских «национальных интересов» — коммунистическую партию и левые профсоюзы. В ходе поездки итальянской профсоюзной организации в Москву в августе 1945 г. глава делегации Дж. Ди Витторио передал через Димитрова Сталину секретный меморандум лидера коммунистов П. Тольятти. В нем отмечалось, что передача Триеста Югославии отрицательно скажется на массовой поддержке КПИ, поскольку «трудящиеся массы рассматривают нашу политику как антинациональную». Тольятти предлагал установить в Триесте на два-три года полную политическую и таможенную автономию и прилегающей территории под итальянским и югославским контролем и затем провести плебисцит. Предложение Тольятти не нашло поддержки в Белграде⁴⁵.

8 июня генеральный секретарь МИД Италии Р. Прунас в депеше, направленной послу в Москве, обозначил основные принципы, которыми руководствуется итальянское правительство в вопросе восточных границ. Перемирие, подписанное Италией, предусматривает сохранение ее границ в пределах 1939 г. Любые иные территориальные вопросы должны рассматриваться за столом переговоров. Попытки югославской стороны поставить мир перед свершившимся фактом, может привести мировой порядок к анархии. Генеральный секретарь считал важным при этом исходить из учета советской позиции⁴⁶.

12 июля 1945 г. британский кабинет определил свою официальную позицию относительно мирного договора с Италией. По вопросу об итало-австрийской границе Лондон стремился удерживать равновесие в поддержке обеих сторон. «Мы должны избегать дальнейшего унижения Италии, идя на удовлетворение австрийских притязаний. Не надо полагать, мы имеем какие-либо обязательства в передаче Больцано «свободной и независимой Австрии», в то же время забывая об опасности, которую может представлять собой попадание Австрии исключительно под русское влияние. Поэтому мы можем оставить вопрос открытым и объяснить нашу позицию американцам»⁴⁷. В проекте мирного договора с Италией, подготовленном британским министерством иностранных дел, вопрос о провинции Больцано не нашел своего места⁴⁸.

Что касается Вашингтона, то первоначально там рассматривался вопрос о переуступке Южного Тироля Австрии. В дальнейшем межминистерская комиссия, занимавшаяся подготовкой военных статей, выступила против «любого пересмотра австро-итальянской границы 1938 года»⁴⁹.

В мае на повестку дня был вынесен вопрос об участии Италии в войне против Японии. Оценивая позиции великих держав по данному вопросу, начальник шестого отдела генеральной дирекции МИД Италии А. Ассеттати писал, что советское руководство настроено категорически против итальянского

участия в войне против Японии. По словам итальянского дипломата, это было связано с тем, что СССР заявил о своих явных намерениях принять активное участие в установлении нового порядка в Восточной Азии, и не имеет никакого желания видеть в этом процессе другую европейскую страну⁵⁰.

В период подготовки Потсдамской конференции (с 17 июля по 2 августа 1945 г.) итальянской дипломатии не удалось добиться повышения ее статуса по сравнению с другими бывшими союзниками нацистской Германии, несмотря на выход из войны на стороне Германии 8 сентября 1943 г. и последующее объявление войны Германии. На Потсдамской конференции советская делегация из тактических соображений поддержки Румынии и Болгарии включает Италию в единую связку с этими странами в вопросе заключения мирных договоров. Кроме того, советская сторона выразила желание получить под управление бывшие итальянские колонии и настаивала на высокой сумме репараций с Италией⁵¹.

И хотя советскую позицию нельзя было считать как направленную исключительно против Италии, но по результатам она оказалась именно таковой. В Потсдаме итальянская дипломатия не была допущена к обсуждению мирных договоров.

Свои позиции Италия могла продвигать в рамках двусторонних контактов и на Совете министров иностранных дел 18 сентября 1945 г., когда министр А. Де Гаспери имел возможность изложить итальянскую точку зрения по восточным границам. «Мы не претендуем на роль победителей и тем более побежденных», — заявил итальянский министр иностранных дел⁵².

На конференции вновь был вынесен на обсуждение план Молотова-Карделя о передаче всей Венеции-Джулии Югославии вместе с городом Триестом как центром федерального уровня, Югославии. Предложение вызвало сдержанное сопротивление со стороны западных держав. Последующие смягчение советской позиции в сторону Рима были вызваны интересами предвыборной борьбы в Италии. Позиция, занятая КПИ по вопросу о восточных границах, отрицательно сказалась на ее результатах на выборах

в Конституционную Ассамблею⁵³.

Итальянцы остались «за дверью» при обсуждении вопросов мирного урегулирования. Итальянские внешнеполитические интересы были сконцентрированы на проблемах репараций, военнопленных, колоний, северных, восточных и западных границ. Итальянской стороне удалось отстоять свои права на Альто Адидже: Де Гаспери по этому поводу воскликнул: «Я спас Альто Адидже». Также удалось умерить французские притязания на ряд пограничных территорий. Однако в остальных вопросах итальянская дипломатия не отстояла собственные интересы. Особенно болезненным оказалось решение о провозглашении Триеста свободным городом и интернационализации управления им⁵⁴.

На Лондонском совещании Совета министров иностранных дел (11 сентября — 2 октября 1945 г.), после горячих споров, участники приняли решение о продолжении переговоров по мирному договору, однако не были решены вопросы об итало-югославской границе, о судьбе итальянских колоний. Жесткая позиция СССР по итальянскому вопросу спровоцировала антисоветскую волну в Италии. Даже осторожный Кварони в конце 1945 г. начал склоняться к идее создания Западного блока, не обращая внимания на советскую позицию⁵⁵. Он справедливо отмечал, что советская позиция в отношении Италии лишает ее традиционной политики маневрирования между великими державами⁵⁶.

На Московском совещании СМВД (с 16 по 26 декабря 1945 г.) вновь стоял вопрос об изменении условий перемирия с Италией. Было решено, что условия Мирного договора с Италией будут обсуждены на конференции вкупе с мирными договорами с другими бывшими сателлитами Германии не позднее 1 мая 1946 г. Сам факт, что Италия не была выделена из числа других сателлитов Германии как совоюющая страна, вызвал новую волну антисоветских настроений в Италии⁵⁷.

Но итальянское правительство продолжало добиваться благоприятной позиции советского правительства с целью облегчения требований к ней в рамках заключения мирного договора.

Примечания

1. I documenti diplomatici italiani. Decima serie: 1943–1948. Vol. 2, (12 dicembre 1944 — 9 dicembre 1945). Roma, 1992.
2. Хормач И.А. СССР-Италия и блоковое противостояние в Европе. Вторая половина 40-х — первая половина 60-х гг. Т. 1. М., 2005, с.22.
3. Ibidem.
4. DDI, vol.2, p. X — XI.
5. Хормач И.А. СССР и Италия., с.390.
6. Там же, с. 28.
7. Там же, с.53–54.
8. Aga-Rossi E., Zaslavsky V. Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archive di Mosca. Bologna, 1997, p.131.
9. Хормач И.А. СССР и Италия., с.60.
10. DDI, vol.2, doc.50, p.66–67.
11. DDI, vol.2, doc.59, p.77.
12. DDI, vol.2, doc.70, p.89.

■ История

13. DDI, vol.2, doc.68, p.84–88.
 14. Ibid., doc.5, p.6–7.
 15. Ibid., doc.7, p.8–9.
 16. Ibid., doc.142, p. 192–193.
 17. Ibid., doc.187, p. 250–254.
 18. Хормач И.А. СССР и Италия., с.79.
 19. DDI, vol.2, doc.116, p.154.
 20. Ibid., doc.122, p.160.
 21. Ibid., doc.93, p.119–123..
 22. Ibid., doc.98, p.128–129.
 23. Ibid., doc.12, p.18–19.
 24. Ibid., doc.140, p.183–187.
 25. Ibid., doc.150, p.211–212..
 26. Ibid., doc.103, p.1136–137.
 27. Ibid., doc.141, p.188–192.
 28. Ibid., doc.143, p.193–197.
 29. Ibid., doc.144, p.197–202.
 30. Ibid., doc.145, p.203–204.
 31. Ibid., doc. 163, p.226.
 32. Ibid., doc. 165, p.227.
 33. Pastorelli P. La politica estera italiana del dopoguerra. Bologna, 1987, p.11.
 34. DDI, vol.2, doc.160, p.218–221.
 35. Ibid., doc.174, p.239.
 36. Ibid., doc.183, p.247–248.
 37. Ibid., doc. 176, p.239–240.
 38. Ibid., doc. 177, p. 240–242.
 39. Ibid., doc. 180, p.245.
 40. Ibid., doc. 193, p.262–266.
 41. Ibid., doc. 211, p.290–292.
 42. Ibid., doc. 217, p.298; doc. 221, p.303..
 43. Ibid., doc. 236, p.328.
 44. Aga-Rossi Elavsky V. Togliatti e Stalin, p.141.
 45. Ibid., p. 142.
 46. DDI, vol.2, doc. 245, p.337–338.
 47. Pastorelli P. La politica estera italiana del dopoguerra, p.15–16.
 48. Ibid., p. 16.
 49. Ibid., p. 17.
 50. DDI, vol.2, doc.190, p.257.
 51. Хормач И.А. СССР и Италия., с.76.
 52. Corriere della sera. 28 gennaio 1995.
 53. Aga-Rossi Elavsky V. Togliatti e Stalin, p.143.
 54. Ди Нольфо Э. история международных отношений (1918 — 1999): В 2 т.М., 2003, т.2, с.55 — 56.
 55. Хормач И.А. СССР и Италия., с.90.
 56. Там же, с.91.
 57. Там же, с.99
-